

УДК 1(091) +323 (44)

МЕСТО И РОЛЬ СИБИРИ В ФИЛОСОФИИ ФРАНЦУЗСКИХ «НОВЫХ ПРАВЫХ»

М. Я. Мацевич

Белорусский национальный технический университет (г. Минск, Республика Беларусь)
lentsevich@mail.ru

Аннотация. В статье на примере компаративного анализа различных социально-политических моделей эксплицируется «Сибирь» как новая парадигма исследований, политические и философские постулаты которой должны быть заново обоснованы в контексте «неоевразийства». «Сибирь» как новая эпистемологическая система отсчета олицетворяет цивилизацию в своем собственном праве, которую освободить мир от романо-германского, а затем атлантического влияния, и для этого мобилизовать форму имперского национализма.

Ключевые слова: империя, колониализм, национализм, революция, евразийство, Евросибирь.

Для цитирования: Мацевич, М. Я. (2026). Место и роль Сибири в философии французских «новых правых». *Respublica Literaria*. Т. 7. № 1. С.104-113. DOI: 10.47850/RL.2026.7.1.104-113

THE PLACE AND ROLE OF SIBERIA IN THE PHILOSOPHY OF THE FRENCH «NEW RIGHT»

M. Ya. Matsevich

Belarusian National Technical University (Minsk, Republic of Belarus)
lentsevich@mail.ru

Abstract. This article, using a comparative analysis of various socio-political models, explicates «Siberia» as a new research paradigm, whose political and philosophical postulates must be re-founded in the context of «neo-Eurasianism». As a new epistemological frame of reference, «Siberia» embodies a civilization in its own right, destined to liberate the world from Romano-Germanic and then Atlantic influence, and to this end, mobilize a form of imperial nationalism.

Keywords: empire, colonialism, nationalism, revolution, Eurasianism, Eurosiberia.

For citation: Matsevich, M. Ya. (2026). The Place and Role of Siberia in the Philosophy of the French «New Right». *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 1. Pp. 104-113. DOI: 10.47850/RL.2026.7.1.104-113

*Мы становимся зверем, чтобы и зверь тоже стал чем-то иным.
Ж. Делез, Ф. Гваттари. «Что такое философия?»*

Американский политолог Крэйг Калхун в книге «Национализм» указывает читателю на любопытный факт, заключающийся в том, что мы замечаем данное явление только тогда, когда оно проявляется в виде конфликта между государством и теми, кто стремится к изменению границ или системы правления.

Во Франции смещение на Восток затрагивает все структуры крайне правого движения, которое исторически было раздроблено и более тридцати лет находилось под доминированием Национального фронта (FN). Это движение часто представляют как перелом в истории крайне правых. Новый европейский порядок, согласно французским «новым правым», направлен на преодоление антагонизма между европейцами в пользу континентальной интеграции. В большинстве своем эти движения использовали термин «европейский национализм» для описания своей идеологии. Речь идет, прежде всего, о притягательности российской неоевразийской идеологии, предлагавшей новую органическую модель этнокультурных обществ от Исландии до Тихого океана. Цель предлагаемой статьи – эксплицировать Россию в качестве страны, занимающей центральное место в философии французских «новых правых» не как просто уникальной политической модели, а как цивилизационной альтернативы либеральному Западу.

Исторически национализм был сопряжен с насилием. Развиваясь волнообразно, он постоянно оставлял надежду ученым считать его издержкой прошлых времен. Но за открытой националистической борьбой скрывались и скрываются более глубокие, интимные структуры коллективных идентичностей. И обращение к французским «новым правым», к «академической среде» в контексте данной статьи есть попытка репрезентации того обстоятельства, что «правый» уклон, «академизм» как радикализированный национализм есть не просто аксиологический фетиш, а, во-первых, дискурс и, во-вторых, проект, и в последнюю очередь – способ оценки [Калхун, 2006, с. 32-33].

То есть «академизм» в смысле идентичности в современную эпоху не возникает самопроизвольно. Он формируется активным участием культурных производителей, ученых и политических лидеров. Как не кажется парадоксальным на первый взгляд, но представители «академической элиты» чаще всего оказываются представителями подчиненных этнических или региональных групп. Нередко, пренебрежительное отношение к их деятельности и ограничение карьерного роста в имперском аппарате давали повод для формирования академических фашизированных идентичностей, стремящихся не столько к культурному, профессиональному признанию, сколько к эстетизации, гедонизации самого процесса признанности. Отсюда как особая разновидность возникают и колониальные «академические элиты». С точки зрения британского политолога Дж. Андерсона, не в имперских метрополиях, а в колониях люди впервые начинают воспринимать себя как представителей определенных национальностей [Калхун, 2006, с. 608]. Например, в одной из статей белорусский философ Т. Г. Румянцева рассуждает о советском периоде жизни и русском языке. «В результате такого “словотворения” появляется так называемый “новый русский язык”, который вслед за Джорджем Оруэллом справедливо называют советским “новоязом”, ассоциирующимся с языковым стилем политической пропаганды и агитации, использующей многочисленные, специально создаваемые неологизмы и эвфемизмы, искажающие или же напрямую скрывающие истинное положение вещей. Но это уже тема другого доклада о том, какое влияние оказал “новый” русский идеологический язык на жизнь Советского общества, обеспечивая людей их соответствующими дозволенными знаковыми средствами, с помощью которых они бы свято воспринимали окружающую социальную действительность» [Румянцева, 2021, с. 337]. В цитируемой статье достаточно много аналогичных пассажей в адрес «имперских притязаний», «особого пути», «православного мессианизма» России, выглядевших, по мнению автора, «исключительно архаично»

[Там же, с. 328]. Однако на каких конгрессах и конференциях выступает сама Т. Г. Румянцева, какими иными иностранными языками владеет, и на каком языке думает, пишет? Неужели и на нее подействовал «архаичный» дискурс? «Чьи уста говорят неправду и у кого каждая клятва ложна?» (Пс. 143:8).

Так в колониальной академической среде отдельные «академически элиты» начинают презирать своих коллег и создавать новые гражданские объединения, создавать «нового человека», «специалиста», «профи». В «космополисе» или империи люди, не являясь собственно гражданами, могут вести аполитическое существование, современный же тип националистических государств требует от человека участия, общения. Именно потому, что современные государства опираются на граждан, а не на подданных, культурная политика для них сопрягается с террором и насилием [Калхун, 2006, с. 218].

Вышеозначенный террор может быть имплицитным, эксплицитным, светским, религиозным. Так или иначе, постепенно он становится перманентным двигателем социального прогресса, нравственным императивом и креативной установкой.

Знаменитый тезис С. Хантингтона о «столкновении цивилизаций» популярен благодаря его использованию в определенных кругах. Хотя национализм часто ассоциируется с крайне правыми, многие – от «новых правых» до идентаристов – на самом деле придерживаются формы панъевропейского национализма и отождествляют себя, прежде всего, с европейским цивилизационным пространством, одним из компонентов которого может быть христианство.

Под влиянием французского философского авангардизма в лице «археологии власти», грамматиологии, постфрейдизма, структурализма, шизоанализа, семиологии и др. сложилась новая теологическая парадигма, которую, по мнению Ф. И. Гуссейнова, можно было бы назвать «посттеизмом» [Гуссейнов, 1991]. Речь идет о новом типе религиозности и вопросе о перспективах религиозного сознания.

Основными предпосылками посттеизма, выразившимися в ангелологии, можно считать три идеи: во-первых, кризис центральной идеи религиозного сознания – идеи Бога, а также путей и средств ее преодоления. Во-вторых, переосмысление религиозного опыта, статуса «веры», когда она превращается в «способ существования». В-третьих, происходит антропологизация общей религиозной проблематики [Гуссейнов, 1991].

Круг религиозных проблем разрабатывали пять авторов: Бернар-Анри Леви, Ги Лярдро, Кристиан Жамбе, Филипп Немо и Морис Клавель. Жамбе и Лярдро в отличие от остальных, работавших в относительно традиционном стиле (сохранение старинной символики, приверженность идее Бога, Апокалипсиса, догматам и пр.) предложили оригинальное учение, относящееся к французскому философскому авангарду – «негативную теологию Ангела», или проще – «ангелология».

Основные ее положения Жамбе и Лярдро изложили в совместном трехтомном труде «Онтология революции» (Т. 1. «Ангел», Т. 3. «Мир. Ответ на вопрос: что такое права человека?»). С самого рождения субъект натывается на «упорядочивающие коды культуры». А так как, согласно Лярдро, природы не существует, а существуют только дискурсы, то реальность есть чистое угнетение, и «оно не есть просто реальное, а выступает всегда и только как власть» [Lardreau, Jambet, 1976, p. 49]. Мир, следовательно, оказывается иллюзией, «видимостью», «любовью к господину». Вместо лакановской триады: «реальное», «воображаемое», «символическое» в игру вступают «желаемое», «видимое», «дискурс

властителя и подчиненного». Ангелисты выдвинули группу символов, предложили интерпретацию этих символов и задали особый ракурс видения мира [Гуссейнов, 1991]. Категориальный аппарат ангелологии располагается вокруг трех основных концептов: «господин», «бунтарь», «ангел». Основными протагонистами являются «господин» и «ангел», изначальный дуализм которых покоится в основании всего сущего.

Используя в качестве эпиграфа к своему труду слова Р. Рильке о том, что «каждый ангел ужасен», Лярдро и Жамбе пытаются все-таки очертить границы возможного протеста, бунта. Несмотря на то, что дискурсы властителя и подчиненного являются замкнутой символической системой и работают подобно математической аксиоматике, авторы предлагают читателю все равно «заключить пари» и желать, бунтовать, т. к. «все желания принадлежат властителю», отсюда «бунт всегда говорит только языком “властителя”» [Lardreau, Jambet, 1976, p. 62].

«Пари» – вечное парение в зазоре, «бытие между», пари как вера в Бога, вера в «ангела», «господина», господство и угнетение уже на другом уровне, в другой реальности. Под «пари» подразумевался также отказ от идеалов как культурных, революционных, так и от политических. Так как в конечном счете история сводится к борьбе между подавляемым и подавляющим, человек нуждается в поддержании «веры в добро», нуждается в награде за долготерпение и подобной наградой становится «бунт». Показывая, что и философия является только набором инструментов господства, одной из возможных общепринятых установок, одним из тоталитаризированных способов видения мира, Жамбе и Лярдро невольно открывают нам зазор к набожности, набожности как «бунту пари». Мы невольно начинаем веровать – веровать, ибо абсурдно, веровать вопреки, веровать, бунтуя, ибо без нее, без этой веры, власть и подчинение оказываются вечными.

Добро не культивируется внешними условиями среды, ни даже творческими усилиями, оно светит в душе независимо от всего и раскрывается в свете проблемы отношения к вечности, в свете идеи спасения другого, творческого искупления и созидания. Какова бы ни была ступень человеческого прогресса, один только идеал любви поможет прокладывать свой путь в океане жизни. Именно потеря универсального естественного идеала красоты, гармонии приводит к катастрофам в жизни людей и всего человечества вообще. Причина паралича современного прогресса – не что иное, как потеря любви, сострадания, великодушия.

Жамбе и Лярдо разорвали материю истории на «мир господина» (линейное время) и «мир бунтующего» (вневременной аспект). Возвращаясь к вопросу о христианстве, примером противоборства «ангела» и «господина» «новые философы» считают историю древнего христианства. Христианство для них становится формой эманации священной войны истории в историю профанную. В формировании людей, которые думают «как все», чувствуют «как все», и состоит «варварство» нашего времени. «Поэтому “новые философы” переформулируют проблему морали следующим образом: какую придать ей форму, “... чтобы в мире было возможно меньше варварства” [Lardreau, Jambet, 1976, p. 27]. Избавление от “варварства”, полагают они, возможно лишь вместе с избавлением от интеллекта и желания. Человеку остается лишь “... питать надежду на иной мир, который не дает правила для этой жизни, не ведет нас больше здесь и теперь, в этом мире, но позволяет заключить невозможное пари” [Ibid., p. 28]. Таким способом К. Жамбе и Г. Лярдро пытаются обосновать моральное поведение человека, возможное только как индивидуальный

“моральный протест”. Нравственный протест “ангела” рассматривается как альтернатива революции, которая неизбежно заканчивается террором. Образцы этого “ангельского пари” “новые философы” находят “в некоторых аспектах первоначального христианства и китайской культурной революции” [Ibid., p. 29]. В то же время для неофилософской концепции в целом характерно негативное отношение к истории человечества. Г. Лярдро, в частности, полагает, что прошлого вообще не существует, имеется только вечно настоящее, проецируемое на прошлое» [Кусаинов, 2003, с. 64].

Джордж Сантаяна, испано-американский философ, в «Жизни разума» рассуждал, что человеческие идеи имеют чисто символическое значение, они – «внутренние ноты, звучащие под воздействием человеческих страстей и искусств» [Santayana, 1998, p. 249]. Эти идеи рациональны только в силу той жизненной гармонии, которую разум вводит в иррационализм окружающей действительности. Задача человеческой жизни отсюда сводится к приспособлению наших фантазий относительно фактов и возможностей этого мира. Человек должен прогрессивно организовать свои иррациональные импульсы, эксплицируя рациональную мысль.

В развитии общества Дж. Сантаяна видел постоянную консолидацию иррациональных импульсов. Общество проходит в своем развитии три стадии: 1) «естественная» – адаптация человека к реальности, удовлетворение потребностей; 2) «свободное общество» – человек пытается реализовать себя как личность, осваивая различные социальные роли; 3) «идеальное общество» – общество индивидов, управляющих по законам красоты, истины, религии. Картина «идеального общества» – суть общество элитарного типа. Дж. Сантаяна не приемлет демократии, т. к. она уничтожает «лучших», разрушает аристократизм духа и санкционирует примитивизм «среднего человека» [Santayana, 1998, p. 125].

В книге «Господство и власть» [Santayana, 1951] он рассматривал историю как смену трех порядков власти: «порождающего», «воинственного» и «рационального». Осуждая милитаризм, Дж. Сантаяна связывал его с демократией, с коммунизмом, с диктатурой пролетариата. Американская и русская демократии для него были определенными способами рационализации власти, отупения, омащования человека, превращения индивида в положительное, законопослушное однообразное единство. В выше представленной книге автором также подчеркивалось, что различие господства (dominations) и власти (power) есть различие не физическое, а моральное. Власть – это, прежде всего, власть духа, власть силы харизмы, власть Бога или мира. Господство – чья-то точка зрения, легальная рационализированная позиция общего согласия, универсализированная юрисдикция [Santayana, 1951, p. 434]. В чем же духовная власть Сибири, которой так интересуются французские «новые правые»?

«Новые правые» – одна из самых интересных школ мысли в политическом ландшафте французских праворадикальных движений, зародившаяся осенью 1967 г. Благодаря своему долголетию они претерпели несколько доктринальных обновлений. Состоящая из нескольких порой антагонистических течений, их основной структурой остается GRECE (группа исследований европейской цивилизации), отвергающая западные ценности. Однако ее нонконформизм создает проблему их классификации в области политической науки. Немецкие, итальянские и бельгийские «новые правые» возникли в 1970-х гг. вслед за французскими «новыми правыми» [Taguieff, 1994, p. 33].

Ален де Бенуа, видный представитель «новых правых», в своей работе «Европа, третий мир, единая борьба» [De Benoist, 1986] предлагает глубокий анализ экономики колонизации. Автор рассматривает спектр идеологий, как способствовавших ее развитию, так и борющихся с ней, охватывая период от зарождения колониализма в XIX в. до левых течений 1970-х гг., когда концепция «третьего мира» стала отражением этих последствий. Анализирует это, по сути, через призму национализма, он напоминает, с одной стороны, о том, что в то время в Западной Европе существовали две формы национализма: одна – «реваншистского», сосредоточенного на континенте, и другая – «имперского» типа, ориентированного на экспансию. Но смысл книги не ограничивается простым прочтением истории. Бенуа использует изложенное для того, чтобы показать, что, изобретая, а затем раскритиковав колониализм, Европа, в свою очередь, усвоила колониальный менталитет. В середине 1980-х гг., на пике Холодной войны, будущее Европы было зажато между двумя полюсами, навязанными новой формой колониального отчуждения. Советский строй ограничивал индивидуальные свободы, в то время как западный либерализм подрывал органические общества, обезличивая народы. В этом свете идея возможного объединения Европы и «третьего мира» в борьбе за автономию не подразумевает их тождества. Скорее, она указывает на то, что оба региона лишились законного суверенитета. Таким образом, объединение Европы и «третьего мира» в «единой борьбе» обусловлено их фундаментальными различиями в организации и мировосприятии. Эти различия делают их невосприимчивыми к ассимиляции, подчеркивая важность сохранения самобытности [Ibid., p. 255].

В этом контексте быть на крайне правом фланге – непростая задача. Перед теми, кто упорствует, открываются три пути. Первый – маргинальность. Крайне правые группы существуют с конца Второй мировой войны в различных формах в большинстве европейских стран. Они изредка проникают в общественную сферу, но остаются, по сути, условно фольклорными. Второй – электоральный путь. Именно его с 1970-х гг. выбирает «Национальный фронт» и его аналоги по всему континенту. В зависимости от кризисов капитализма и идеологических перестроек, некоторые из этих партий сейчас находятся у власти или вот-вот придут к власти. Этот долгосрочный процесс подразумевает дистанцирование, более или менее выраженное в зависимости от случая, от исторического доминирования национализма. Третий – культурный путь. Именно его выбрали А. де Бенуа и «Новые правые». Цель в этом случае – привнести крайне правые идеи в мейнстрим, «дегитратировать» их. Резкая критика крайне правого дискурса была разработана еще в конце Алжирской войны, в 1964 г., Домиником Веннером в брошюре под названием «Pour une critique positive» (За позитивную критику), часто называемой «Que faire? de l'extrême droite française» (Что делать? От французских новых правых). Эта брошюра была переиздана в 2013 г. организацией «Блок идентичности» [Venner, 1964].

Ален де Бенуа симпатизирует идее «четвертой политической теории» [De Benoist, 2022]. Он объясняет ее, последовательно обращаясь к теории А. Г. Дугина [Дугин, 2009]. Современность постепенно породила три основные конкурирующие политические доктрины: либерализм в XVIII в., социализм в XIX в. и фашизм в XX в. В книге, посвященной этой теме, Дугин, во многом отталкиваясь от идей Е. Головина, развивает идею о необходимости создания «четвертой политической теории», подытоживающей предыдущие, не отождествляясь ни с одной из них.

В глазах Дугина XXI в. станет веком четвертого Номоса Земли (общего порядка властных отношений в международном масштабе). Первый Номос, век народов, живущих относительно обособленно, завершился открытием Нового Света. Второй Номос, представленный европоцентричным порядком современных государств (Вестфальским порядком), – Первой мировой войной. Третий Номос царил с 1945 г., с Ялтинской системой и американо-советским кондоминиумом. Каким же будет четвертый Номос? По мнению Дугина, он примет форму либо однополярного, американоцентричного мира, либо, напротив, многополярного, где «цивилизационные государства» и обширные континентальные пространства, являющиеся одновременно автономными державами и очагами развития цивилизации, будут играть регулирующую роль в глобализации, сохраняя тем самым многообразие образов жизни и культур.

Сибирь, несомненно, является пространством, всегда делающим Россию империей. Обширный субконтинент, контуры которого постоянно требуют ментального освоения или инкорпорирования. Сложное «становление Сибири», соответствующие изменения ее когнитивных карт всегда интересовали не только русскую элиту. Эти усилия нашли свое отражение в исследованиях и современных французских «новых правых». Сибирь всегда представляла среду на стыке науки и политики, формирующую и поддерживающую имперскую мысль.

Мари ле Пен, например, заявляла, что «нам крайне необходимо договориться с Россией, чтобы спасти Северную Европу и белый мир. Северная Европа объединяет славян, а также Сибирь» [Le Pen, 2012, p. 225]. Эти слова явно соответствуют линии французского философа Гийома Фая, члена «новых правых», провозгласившего себя апостолом «Евросибири», которая должна была привести к созданию «Севера», скандинавской белой расовой империи.

В продолжение этой идеи на Международной конференции «Будущее белого мира», проходившей в Москве 8–10 июня 2006 г., он предложил создать альянс между «Евросибирью» и всеми белыми народами европейского происхождения. Это он именовал «идеей Севера» [Головин, 2018]. По его словам, речь идет о создании «этносфер», т. е. «групп территорий, где господствуют этнически родственные народы» [Faye, 2001, p. 119]. Представленная концепция основана на идее существования «биологического корня народа и цивилизации, на котором покоится ее этническая основа» [Ibid., p. 128].

Фай называл идею континентального союза всех народов европейского происхождения, от Франции до России, от Атлантики до Тихого океана, «Евросибирью», правильнее говорить о «Евро-России», поскольку Сибирь – это, по сути, географический термин, а Россия – этнический и исторический [Фай, 2005].

Страх европейцев перед Сибирью связан не столько с самой огромной холодной землей, сколько с российским государством и военной мощью, исходящими из нее или связанными с ней, подпитываемый историческими конфликтами (такими как война Наполеона, Первая мировая война), нарративами холодной войны, порождающими глубоко укоренившуюся русофобию, ассоциирующейся в восприятии с российской непредсказуемостью, авторитаризмом и стремлением доминировать в Европе. Этот страх проявляется в виде опасений по поводу прямого вторжения (особенно в Восточную Европу), слабости обороны и предполагаемой угрозы существованию европейской безопасности, что часто приводит к призывам к сдерживанию.

Энциклопедии и словари эпохи Просвещения дают интересное представление о Сибири. Они позволяют нам понять, что широкая публика, читавшая эти энциклопедии в XVIII в., знала об этой части Европы. «Энциклопедия» Д. Дидро содержит несколько статей, посвященных Сибири и сибирякам. Изучают, анализируют геополитический потенциал Сибири и сегодня. Очень важно, что пусть и критически, европейские гуманитарии, политологи знакомы с трудами, идеологической позицией К. Б. Раша [Раш, 1989]. Новая геостратегическая конфигурация, формирующаяся сегодня, требует возвращения к первоначальной идее – восточному поворотному пункту для всей России с акцентом на развитие всей Сибири. Сегодня нам необходима, как отмечает политологом С. Карагановым, метафорическая «сибиризация» всей страны.

Развитие Сибири не только обогащает Россию, но и проверяет мудрость всего человечества. Сибирь на древнетюркском языке переводится как «земля мира». Именно Сибирь и Дальний Восток делают Россию такой, какая она есть. Сибирь и Дальний Восток – это не вся Россия, но без них Россия была бы совершенно другой страной. Освоение Сибири усилило географический контраст России, превратив ее не только в европейскую, но и в азиатско-тихоокеанскую страну. Это также укрепило ее характер как многонациональной и многокультурной страны. Сибирь в этом контексте представляет собой необъятную, первозданную природу и альтернативу материалистическому Западу. История Сибири – прежде всего, история геополитической, метафизической власти: о том, как люди используют власть и как она влияет на людей. История Сибири – это также история о силе определения, о силе идентичности, о силе решать, что правильно, а что неправильно, что истинно, а что ложно. О силе толковать прошлое и тем самым управлять настоящим и будущим.

Таким образом, «евросибирский» проект в идеологии французских «новых правых» основан на переосмыслении ценностей: 1) прекратить ставить англосаксонский, американоморфный и западный мир в центр этнического, политического и экономического будущего белых народов европейского происхождения, 2) заменить его «Евросибирским» блоком, который должен быть построен от оконечности Бретани до Берингова пролива, «от болот до степей и от фьордов до маквисов». Именно вокруг «Евросибири», вокруг матричной территории, должны объединиться все братские народы, включая народы с американского континента и из других регионов. «Новые правые» считают, что у нас была общая и славная история, в которой мы достойно сражались. И теперь мы должны снова объединиться, заново обрести наши корни, потому что у нас общие враги, и мы, по сути, принадлежим к одной цивилизации, и мы «братья» на одной культурно-цивилизационной земле.

Список литературы / References

- Головин, Е. В. (2018). *Приближение к Снежной королеве*. М.: Касталья.
Golovin, E. V. (2018). *Approaching the Snow Queen*. Moscow. (In Russ.)

Гуссейнов, Ф. И. (1991). *Французская анжелология. (Теологическая парадигма «новой философии»)*. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Специальность 09.00.06 – Теория и история религии, свободомыслия и атеизма. М. [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/frantsuzskaya-angelologiya> (дата обращения: 23.12.2025).

Husseinov, F. I. (1991). *French Angelology. (The theological paradigm of the «new philosophy»)*. Extended Abstract of Candidate's Thesis. Moscow. [Online]. Available at: <http://cheloveknauka.com/frantsuzskaya-angelologiya>. (Accessed: 23 December 2025). (In Russ.)

Дугин, А. Г. (2009). *Четвертая политическая теория*. СПб.: Амфора.
Dugin, A. G. (2009). *The Fourth Political Theory*. St. Petersburg. (In Russ.)

Калхун, К. (2006). *Национализм*. М.: «Территория будущего».
Calhoun, K. (2006). *Nationalism*. Moscow. (In Russ.)

Кусаинов, А. А. (2003). *Французская «новая философия» и культура постмодерна*. Волгоград: ВолГУ.

Kusainov, A. A. (2003). *French «New Philosophy» and Postmodern Culture*. Volgograd. (In Russ.)

Раш, К. (1989). *Сибиряки против СС: Военная повесть*. М.: Худож. лит.
Rush, K. (1989). *Siberians Against the SS. The Military Tale*. Moscow. (In Russ.)

Румянцева, Т. Г. (2021). От православного мессианизма к доктрине «мировой революции»: преемственность или радикальный разрыв с прошлым? *Вестник РУДН. Серия: Философия*. № 2. С. 328-340.

Rumyantseva, T. G. (2021). From Orthodox Messianism to the Doctrine of the «World Revolution»: Continuity or a Radical Break with the Past? *RUDN Journal of Philosophy*. No. 2. Pp. 328-340. (In Russ.)

Фай, Г. (2005). *Всемирный переворот. Эссе о новом американском империализме*. Пер. с фр. А. М. Иванова. М.: Слава.

Fai, G. (2005). *A Worldwide Revolution. An Essay on the New American Imperialism*. Ivanov, A. M. (transl.). Moscow. (In Russ.)

De Benoist, A. (1986). *Europe, Tiers monde, même combat*. Paris: Robert Laffont, Franc-Parler.

De Benoist, A. (2022). *Contre l'esprit du temps – explications*. Paris. Nouvelle Librairie.

Faye, G. (2001). *Pourquoi nous combattons. Manifeste de la Résistance européenne*. L'Æncre.

Lardreau, G., Jambet, C. (1976). *Ontologie de la révolution. L'ange*. Paris. B. Grasset.

Le Pen, M. (2012). *Pour que vive la France*. Paris: Grancher.

Santayana, G. (1998). *The Life of Reason*. NY. Prometheus Books.

Santayana, G. (1951). *Dominations and Powers: Reflections on Liberty, Society and Government*. NY. Charles Scribner's Sons.

Taguieff, P.-A. (1994). *Sur la Nouvelle droite*. Paris. Descartes et Cie.

Venner, D. (1964). *Pour une critique positive*. Paris. Éditions Saint-Just.

Сведения об авторе / Information about the author

Мацевич Мария Янушевна – кандидат философских наук, доцент кафедры экономики и управления инновационными проектами в промышленности Белорусского национального технического университета, Республика Беларусь, Минск, пр. Независимости, 67, e-mail: lentsevich@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-0975-6175>.

Статья поступила в редакцию: 26.12.2025

После доработки: 20.01.2026

Принята к публикации: 24.02.2026

Matsevich Maryia – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Management of Innovative Projects in Industry of the Belarusian National Technical University, Republic Belarus, Minsk, Independence Ave., 67, e-mail: lentsevich@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-0975-6175>.

The paper was submitted: 26.12.2025

Received after reworking: 20.01.2026

Accepted for publication: 24.02.2026